

Алария Филина.

БЕЗУМНЫЙ.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Илария Филина

Безумный.

«Автор»

2026

Филина И. С.

Безумный. / И. С. Филина — «Автор», 2026

Классический детектив «Безумный». Эта история о быстротечности жизни, о важности человеческих связей, о том, как даже короткие встречи могут оставить неизгладимый след и изменить нас к лучшему. Важно, что Дуня смогла найти в себе силы двигаться дальше, неся память о Ване как ценный урок и вдохновение. Автор уведомляет, что события, персонажи, а также присущие им особенности мировоззрения полностью вымышлены. Любые совпадения с реальностью являются случайностью. Автор не разделяет точек зрения ни одного из персонажей.

© Филина И. С., 2026

© Автор, 2026

Илария Филина Безумный.

Пролог.

Классический детектив «Безумный» — не просто история, а погружение в мир, где каждая тень скрывает тайну, а каждый взгляд может стать ключом к разгадке.

Дуня — не просто наблюдатель, она — активный искатель истины.

Дуня — воплощение решительности: острый ум, интуиция, ведущая её по следу, и несокрушимая вера в торжество справедливости — вот её главные спутники.

Её призвание детектива — не просто декорация, а сама суть её бытия, неотъемлемая часть личности. Она не только замечает загадочного человека на кладбище, но и ставит перед собой цель: узнать его личность, понять мотивы и разгадать тайну, окутавшую его.

Главная интрига — Ваня, что связывает его с этим местом скорби?

Дуня, с её острым умом и обострённой интуицией, не может пройти мимо такой загадки. Она — человек действия, движимый непоколебимой верой в справедливость. Если закон человеческий порой бессилён, она готова искать истину в более глубоких, моральных пластах, противопоставляя земные суды Божьему, чтобы восстановить подлинную справедливость.

Ваня, вызывает у Дуни смешанные чувства. Его взгляд, его жесты, его потрёпанная одежда — всё это создаёт образ, который одновременно вызывает сострадание и настороженность. Он — человек, чья история, вероятно, полна боли и отчаяния, но в то же время — потенциальный источник опасности. Дуня, как истинный детектив, чувствует, что в этом странном человеке кроется нить, способная распутать самый сложный узел загадок.

Дуня приходит на могилу Вани не столько для того, чтобы скорбеть, сколько для того, чтобы попытаться вновь прикоснуться к его загадочной сущности. Его жизнь, такая непохожая на обычную, постоянно окутывала его флёром тайны, которую так и не удалось разгадать.

Она представляет, как он, ещё будучи при жизни, бродил здесь, среди безмолвных надгробий, черпая покой в этой вечной тишине. Может быть, именно в этом дивном уединении он находил ответы на свои вопросы, которые так волновали и её.

А теперь, после смерти, когда земные оковы были сняты. Дуня надеялась, что его душа обрела наконец некое высшее просветление. Возможно, там, за гранью видимого, он наконец нашёл то, что так долго искал, и обрёл тот покой, который так и не смог постичь в мире живых. Её визиты были скорее диалогом с неразгаданным, попыткой уловить отголоски его души, которая, как она верила, теперь обитала где-то рядом, в этой безмятежной тишине.

Глава 1. Незнакомец.

Однажды с Дуней, девушкой глубоко верующей и всем сердцем стремящейся к Богу, произошло событие, навсегда перевернувшее её земной путь. Её облик был поистине дивным: полное тело, освещённое нежным светом белоснежного лица, с щёчками, алеющими, словно лепестки роз, и смоляными косами, обрамлявшими синие, как само небо, глаза. Однако взгляд её был устремлён не к преходящим земным утехам, но вознесён ввысь, к небесам, ведь любила она Господа до самоотречения и страстно желала стать избранницей Христовой. Мирская суета для Дуни была лишь мимолётным пребыванием, лишь колыбелью души на пороге вечности.

Среди тишины некрополя она находила уединённый покой. Склоняясь к надгробиям своих рано покинувших этот свет родителей, она вела беседу с ними и с самим Создателем. Это мемориальное пространство стало для неё вторым пристанищем, своего рода убежищем, где её дух обретал свободу, чувствуя безмерное сближение с близкими земного и с Божественным началом. Но именно храм был истинным её домом, её святилищем. Под величественными сводами, озаряемыми трепетным светом горящих свечей, в окружении сияющих ликов святых, её душа находила незримое утешение и неоспоримую силу. Она была убеждена в двойственности человеческого бытия: мы живём в мире явном, погружённом в суету и быстротечность, но также существует мир иной, незримый, мир вечности и подлинной сути. Её душа, подобно трепетной птице, рвалась в это духовное измерение, стремясь к обители Бога.

В один из дивных вечеров, когда безмолвный лунный свет ласкал землю, Дуня, как было ей свойственно, молилась в уединении храма. Среди привычной тишины, сотканной из шепота молитв, её слух уловил голос, чуждый всем собравшимся. Этот голос, негромкий, но пронзающий душу до самой глубины, возвестил о грядущем испытании, которое станет решающим для её духовного пути и обретения вечной жизни. Сердце Дуни встрепенулось, ощущая неизбежность величайшего испытания веры. Отвернувшись от соблазнов земного мира, Дуня искала в вере спасительное утешение, однако даже в священных стенах не могли развеяться тени прошлого и тревожное предчувствие грядущих перемен. Неумолимая предопределенность витала в воздухе, предвещая нечто судьбоносное, нечто, что навсегда изменит её земное бытие.

Покинув храм, она решительно направилась напрямиком на кладбище. Это было не простое посещение, а скорее священный путь к тем, кто, возможно, понимает её лучше всех, к тем, кто выдержал свои невзгоды и оставил лишь молчаливые надгробия как вечное свидетельство пережитого. Вечерняя прохлада ласково коснулась её щек, принося с собой землистый аромат. Каждый её шаг по извилистым, неровным тропам был наполнен нестигаемой силой духа, а взгляд, устремлённый вдаль, излучал трогательную готовность принять без преград суровую истину, какой бы горькой она ни оказалась.

Дуня ступала по аккуратной дорожке, мощёной камнем, ведущей сквозь парковый некрополь, залитый щедрым светом летнего солнца. Этот особенный уголок, где переплелись нити бытия и забвения, казалось, излучал незримое очарование — тончайшее дыхание потусторонних существ, похожее на тихий вздох из иного измерения. На ней было платье, цветом напоминающее молодую, сочную зелень листвы, украшенное алыми лепестками тюльпанов, словно живыми слезами, рождёнными в час невосполнимой утраты. В элегантно сумочке лежали угощения для тех, кто навсегда покинул этот мир, для самых близких сердцу. Её окружала безмолвная, скорбная тишина, но сквозь неё пробивалась ангельская, неземная мелодия, сливаясь с беззаботным щебетом пернатых. Она двигалась к местам упокоения своих родительских душ, утопая в горько-сладких объятиях памяти. Ей отчаянно хотелось вознести молитвы, обрести успокоение посреди буйного цветения зелени, под мягкими ласками солнечных лучей, среди величественных крестов и монументов, хранителей навсегда угасших жизней.

И тут, словно тень, возник он. Неухоженный, лет двадцати семи, с диким блеском в глазах.

«Как же он странно выглядит, — промелькнула мысль у Дуни, — настоящий безумный!»

«Как твоё имя?» — осмелилась спросить она, с опаской глядя на незнакомца.

«Я Ваня», — ответил он, и в его голосе послышался надрыв.

Дуня пристально взглянула на него, и в её сердце родилось твёрдое решение: «Я приведу тебя к Богу».

«Ты голоден?» — спросила она, доставая из сумочки большое красное яблоко. Она протянула его Ване. Он схватил фрукт и принялся жадно его грызть; слюни брызгами разлетались во все стороны, стекая по его бороде.

«Не торопись, поешь спокойно, — мягко посоветовала Дуня. — Тебе нужно молиться, и Господь тебя не оставит».

Дуня спросила: «Где твой дом?»

«Он тут, на кладбище, — ответил Ваня. — Я живу в выкопанной яме. Пойдём, я тебе покажу».

Дуня последовала за Ваней; сердце её билось учащённо, но любопытство взяло верх над страхом. Кладбище, окутанное гнетущей тенью, казалось иным под его невозмутимым руководством. Каждый шаг Вани был уверенным, словно он ступал по знакомой до боли земле. Порванные кеды, штаны, доставшиеся, казалось, от бабушки, и толстовка с выцветшей жёлтой улиткой — всё это было частью мира, в котором он жил. Его лицо, бледное и худощавое, обрамляли спутанные чёрные волосы, создавая впечатление, будто они вечно торчат в разные стороны; они жили своей собственной, непокорной жизнью. Казалось, ни одна прядь не желала лежать ровно. Однако глаза, глубоко посаженные в бледном овале, были удивительно ясными и любопытными, в то же время голодными и безумными. Но в том, как этот голод преследовал его взгляд, было что-то дикое, почти безумное. Это был взгляд не просто ищущий, а преследующий — взгляд хищника, выследившего добычу. Чёрные зрачки, казалось, расширялись, поглощая свет, превращаясь в бездонные колодцы, в которых отражалось что-то тревожное. Он напоминал, безумца одержимого, обречённого на вечный поиск истины, даже если эта истина грозила ему самому. И в этой одержимости, в этом неутолимом стремлении разгадать тайны мира была своя, жуткая, но неотразимая притягательность. Он был живым воплощением неуёмного любопытства, готового пожертвовать всем ради призрачного проблеска знания. Но стоило присмотреться повнимательнее, как эта ясность сменялась иным выражением. Словно пелена, всепоглощающий голод начинал затягивать эти некогда живые зрачки, превращая их в пустые чёрные бездны. В этих глазах читалось нечто безумное, бесноватое, лишённое разума и человечности. Это был взгляд существа, ведомого лишь инстинктами, голодного не только в физическом, но и в каком-то более глубоком, экзистенциальном смысле. Голод, который не мог быть утолён ничем материальным, — голод души, ищущей, но не находящей. Казалось, что этот двойственный взгляд — то ясный и любопытный, то голодный и безумный — разделял его на две сущности. Одна — ищущая познания, стремящаяся понять мир во всей его сложности. Другая — обречённая на вечное скитание в лабиринтах собственного отчаяния, в бесконечной погоне за неуловимым. Эта внутренняя борьба, невидимая, проявлялась в едва заметных подергиваниях мышц лица, в напряжении, что сковывало его худощавое тело.

Он вёл Дуню мимо покосившихся крестов и могильных плит, ловко перешагивая через упавшие ограды. Каждое надгробие, казалось, знало его, а он, в свою очередь, знал их истории. Вокруг царил тишина, нарушаемая лишь шелестом листьев и далёким лаем собак. Для Вани это был его мир, его дом. Он шёл уверенно, будто знал каждую тропинку, каждый цветок, каждую трещину в асфальте. — Ваня остановился у старой заброшенной могилки и провалился в землю, в ямке, прикрытой сколоченными досками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.